

никшим в бассейн Верхнего Енисея не позднее начала XVII в. Но влияние буддизма на искусство тувинцев (а с ним был привнесен в Туву, как утверждает автор, и образ фантастической птицы Хан-Херети-Гаруды, зародившийся в далекой Индии, и образ мифического льва Арзылана и др.) рассмотрено в книге излишне скупо. Курганы Ноин-Улы отнесены к I в. до н. э. (стр. 216). Но, не исключая возможности сооружения отдельных курганов могильника в это время, все же представляется более вероятной его датировка рубежом н. э. Но эти недочеты не снижают в целом высокого уровня монографии, являющейся, несомненно, крупным вкладом в советскую историческую науку.

И в заключение хочется отметить тот факт, что само по себе появление такого значительного труда по искусству одного из народов Южной Сибири свидетельствует о важных достижениях советской этнографической науки. Для нее характерен широкий в полном смысле комплексный подход к своему объекту, широкий исторический кругозор и проникновение в глубь исторического процесса. Автор книги выпукло показал не только самобытность искусства тувинского народа, не только его богатейшее историческое наследие, но и то, как эти традиции плодотворно и ярко проявляются в настоящее время. Так показана наглядно и неопровержимо «связь времен»!

Именно поэтому, читая книгу С. И. Вайнштейна, переживаешь чувство глубокого удовлетворения и радости за небольшой, но талантливый тувинский народ, сумевший не только донести до нас мастерство далеких предков, но и подняться до вершин высшей цивилизации нашего времени — цивилизации социализма.

А. П. Окладников

Е. А. Крейнович. Нивхгу. М., 1973, 496 стр.

Автор книги Е. А. Крейнович посвятил изучению этнографии и языка нивхов около 50 лет жизни. Он глубоко исследовал быт этого народа в период, когда нивхи были еще мало затронуты новыми социалистическими преобразованиями. Едва окончив Ленинградский университет, где Е. А. Крейнович прошел школу известного ученого Л. Я. Штернберга, он в 1926 г. на несколько лет уезжает на Сахалин, чтобы приобщить к новой жизни нивхов — небольшой народ, не знавший письменности и до Великой Октябрьской социалистической революции находившийся на грани вымирания. Хотя после революции все предпосылки для коренных перемен в судьбах нивхов были уже созданы, для осуществления их требовалась огромная работа по перестройке основ жизни народа. Надо было помочь этому народу понять, какие огромные возможности и перспективы открыла перед ним Советская власть и способствовать реализации этих возможностей.

Е. А. Крейнович учил нивхских детей, занимался ликвидацией неграмотности среди взрослых, работал в советских органах. Глубоко изучив быт нивхов и их язык, он написал в 30-х годах ряд исследований по этому языку, создал первый нивхский букварь, опубликовал несколько этнографических работ, посвященных обычаям и религиозным верованиям нивхов.

Глубокое проникновение в сущность мировоззрения нивхов, их религиозных верований, быта, интерес к различным проявлениям жизни народа, отличное знание его фольклора и языка позволили Е. А. Крейновичу написать рассматриваемую книгу, произведение в высшей степени оригинальное. Автор избрал форму дневника, позволяющую ему не только красочно описать наблюдаемые явления, но и дать живые картины быта нивхов. Читателю такая форма позволяет лучше познакомиться с методикой работы автора.

Разумеется, форма дневника весьма условна: хотя автор начинает его 12 апреля 1926 г. и заканчивает 27 июля 1928 г. (этими же датами начинается и оканчивается книга), содержание отнюдь не ограничивается материалами, собранными Е. А. Крейновичем на Сахалине в этот отрезок времени. В работу включены материалы, собранные и в более поздних поездках автора на Сахалин и Амур, включая 50-е годы. Но все материалы столь органично связаны между собой, что объединение их кажется естественным. Оно дает возможность показать некоторые локальные различия в культуре нивхов. Можно только пожалеть, что этому важнейшему вопросу, связанному с этногенезом народа, автор, видимо, в целях экономии места не уделил больше внимания.

Однако у дневниковой формы изложения материала есть и существенный недостаток: мысли, идеи, вынашивавшиеся автором в течение многих десятилетий, подкрепленные материалами 50-х годов, изложены так, будто они возникли в ранний период его деятельности среди нивхов, хотя против этого свидетельствуют работы самого Е. А. Крейновича 30-х годов. Автору следовало, по-видимому, оговорить это обстоятельство.

В работе описываются все стороны жизни нивхов; в первом разделе — их основные промысловые занятия: рыболовство, таежная охота (добыча крупного и пушного зверя), способы добычи морских животных, собирательство, собаководство. Второй раздел по-

священ общественной жизни нивхов, третий — их религиозным верованиям; по объему все три раздела примерно равны.

Надо иметь в виду, что основной материал, которым оперирует автор, характеризует быт нивхов дореволюционного периода: уже тогда, в 20-х годах, Е. А. Крейнович работал преимущественно со стариками — знатоками традиций.

Е. А. Крейнович многократно подчеркивает, что он наблюдал быт и мировоззрение неолитического человека. Из трудов Л. И. Шренка, Л. Я. Штернберга, Б. О. Пилсудского и др. известно, что в середине XIX в., и тем более в поздний период, нивхи были весьма далеки от стадии первобытного общества. Они широко использовали металлы, ткани, различные бытовые предметы, получаемые в обмен на пушнину. Об активности нивхских торговцев в XVIII в. писал Л. И. Шренк. О «князях» у нивхов сообщали русские землепроходцы, а это — бесспорное свидетельство того, что у них в XVII в. существовала уже имущественная дифференциация. Пушнина уже в этот период служила у нивхов товаром, а частная собственность получила значительное развитие. В конце XIX — начале XX в. в жизни нивхов наблюдались большие перемены, шла перестройка их экономики и быта под влиянием тесных контактов с русским населением; о ломке многих обычаев писал, в частности, Л. Я. Штернберг, наблюдавший в это время нивхов. Конечно, их быт был достаточно своеобразен, но называть их «неолитическими людьми» в 20-х годах неправомерно.

Хотя нивхам и посвящена обширная литература, автор вносит чрезвычайно много нового в описание культуры этого народа.

Глубокое знание языка нивхов, способность проникать в сущность наблюдаемых явлений позволили Е. А. Крейновичу сделать чрезвычайно интересные наблюдения. Так, о поразительном знании народами Севера окружающей природы, позволявшем им осваивать ее в промысловых целях, писали многие авторы. Но Е. А. Крейнович приводит поистине уникальные примеры из этой области. Так, например, он записал около 30 терминов, обозначающих у нивхов различные виды водоемов и их особенности; более 30 терминов, характеризующих различные виды рельефа; чрезвычайно интересные «возрастные» термины для деревьев. Эти и многие другие приводимые автором примеры опровергают бытующие иногда представления о бедности языков малых народов¹.

Много новых фактов приводит автор, рассказывая о жилых и хозяйственных постройках нивхов, промыслах и религиозных верованиях, связанных с ними. Е. А. Крейнович досконально выяснял, как нивхи воспринимают и объясняют различные явления практической жизни или религиозного характера.

Автор описал далеко не все способы и методы рыболовства или охоты нивхов — в этом смысле работа не может претендовать на исчерпывающую полноту, — но те, о которых читатель узнает из книги, автор изучил до тонкости. Многие из приводимых им данных, относящихся к традиционным промыслам и материальной культуре, в предшествующей литературе отсутствуют.

Большое место Е. А. Крейнович уделяет религиозным представлениям нивхов. Описание медвежьего праздника он приводит в разделе, где говорится о социальной жизни нивхов, что вполне оправдано, ибо этот культ играл у них огромную роль. Есть множество работ, посвященных медвежьему празднику, но у Крейновича дано наиболее полное его описание (70 стр.). Остаются нераскрытыми лишь мелкие детали. Так, непонятно, изображения каких зверей и с какой целью нивхи развешивали во время обряда; почему они держали медведя после смерти своих взрослых родственников, долго ли считалось табуированным жилище хозяина медведя и почему; остается неизвестным, кто из женщин мог танцевать во время праздника. Автор не объясняет, почему только по отношению к медведю как таковому, а не только к его мясу, существовало столько различных запретов, тогда как к другим животным подобных ограничений не применялось.

Не совсем понятно также замечание Е. А. Крейновича о том, что обряд медвежьего праздника возник тогда, когда нивхи еще не знали тканей (во время обряда, по словам автора, надевались халаты из рыбьей кожи). Автору, видимо, хорошо известно, что качества у нивхов не было вообще, а одежду из рыбьих кож они носили даже в конце XIX — начале XX в., хотя в этот период пользовались уже привозными тканями. Выяснение всех деталей медвежьего праздника помогло бы лучше понять этот ритуал.

Объяснения Е. А. Крейновичем отдельных действий нивхов на медвежьем празднике представляются в высшей степени спорными. Так, например, он считает, что табуирование потребления некоторых частей медведя во время праздника вызывалось не религиозными мотивами, а «древней борьбой людей за доли мяса, борьбой, завуалированной религиозной мистикой» (стр. 242). Он пишет: «Старики подавляли психику молодых всевозможными устрашениями, запретами» (стр. 243) — и даже считает, что без подобных противоречий в первобытном обществе — между мужчинами и женщинами, стари-

¹ О необычайной наблюдательности нивхов свидетельствует и наличие в их языке множества терминов, которыми они обозначают крики различных животных, птиц, шум, производимые рыбами в различных ситуациях. Подобных терминов автор записал около 60. Особый интерес представляет система счета нивхов: они употребляют различные количественные числительные в зависимости от признаков предмета (формы, качества и пр.).

ками и молодыми — «древнее человеческое общество не имело бы стимулов для внутреннего развития» (стр. 247). Но подобные «стимулы» были бы скорее присущи стаду животных (да и то не всякому). Все запреты для женщин прикасаться к охотничьим орудиям, участвовать в обрядах жертвоприношений таежным духам и т. д. автор объясняет стремлением увековечить разделение труда между полами (стр. 252) и рассматривает как показатель якобы извечного униженного, подчиненного положения женщины (стр. 250). «Отправившись на охоту в лес или в море,— пишет он, — мужчины-нивхи притесняют посредством табу своих женщин, остающихся в селении» (стр. 252). Описывая широко бытовавшие в далеком прошлом пережитки религиозных верований, автор склонен рассматривать их скорее как «орудия» «злой воли мужчин», стремившихся «всеми способами подчинить себе и унижить женщин». «Чтобы возвеличить себя, мужчины стали приписывать мужские свойства наиболее важным явлениям природы, женские — менее важным... Так возник грамматический род, пережиточно существующий в очень многих языках, в том числе и в русском. Например, дуб, клен, ясень относятся к мужскому роду несомненно потому, что обладают самой крепкой и прочной древесиной, чего нельзя сказать об осине» (стр. 255).

Из приведенных данных видно, что архаизация материалов приводит автора к утверждению извечности патриархата. При этом некоторые явления не получают у него материалистического объяснения. Он почему-то не учел, что и сами мужчины соблюдали множество различных запретов, глубоко верили в их необходимость, строго им следовали (стр. 350—352 и др.). Отмеченные же автором различные религиозные запреты, соблюдавшиеся женщинами, нельзя рассматривать как показатель приниженного положения женщины. Что касается вопроса о положении женщины у нивхов, то здесь уместно привести мнение Л. Я. Штернберга, который писал об уважительном отношении нивхов к женщине-матери, о нежной любви родителей к своим дочерям и т. д.² Разумеется, многим фактам жестокого обращения нивхов с женщинами в отдельных жизненных ситуациях, приводимым Е. А. Крейновичем, нельзя не верить. Но этот вопрос многогранен, к нему нужно подходить осторожно и не соотносить его со временем неолита.

Приведенные в работе легенды нивхов о существовании кровнородственных браков и о первых запретах таких браков автор склонен трактовать так же, как Л. Я. Штернберг (стр. 257, 258). Такой подход, как и суждения о возникновении экзогамии, о семье типа пуналуа как об очень ранней форме, свидетельствует о том, что автор не учел новейших исследований в этой области.

Большую ценность представляют материалы автора (стр. 260—283) по терминологии родства нивхов. В ряде случаев у него обнаруживаются расхождения с материалами Л. Я. Штернберга. Е. А. Крейнович справедливо замечает, что это, видимо, объясняется локальными различиями в языке нивхов. Однако, приводя обширные материалы по данной теме, автор, к сожалению, сам далеко не всегда называет места фиксации терминологии.

Приводя новые, очень интересные факты о запретах общения между различными категориями родственников, Е. А. Крейнович объясняет, однако, только причины запретов общения братьев с сестрами, но не касается такого же рода проблем в связи с запретом общения между братьями.

Большое внимание автор уделяет вопросу о так называемой кольцевой связи трех родов. Он пишет, что у нивхов Сахалина ему не удалось обнаружить этого описанного Л. Я. Штернбергом явления. Автор предполагает, что Л. Я. Штернберг наблюдал его лишь у жителей селения Хузи (Лиман), считая, что это явление характерно для всех нивхов (стр. 304). В вышедшей одновременно с рецензируемой нами работой статье Е. А. Крейновича³ говорится, что эта трехсторонняя родовая связь не существовала уже при Л. Я. Штернберге и что этот ученый «замкнул ее ошибочно». Истинную позицию Е. А. Крейновича по этому вопросу трудно гонять. Считает ли он, что Штернберг действительно наблюдал данное явление в Хузи или же восстановил трехродовую фратрию чисто гипотетически?

Е. А. Крейнович пишет, что «трехродовая фратрия» могла «существовать лишь в результате разложения древних норм брака у нивхов», но такая трактовка требует обоснований. Сомнение вызывает также утверждение, что обмен женщинами между двумя родами представляет собой вопиющее нарушение «древних брачных отношений» (стр. 304).

Е. А. Крейнович лишь бегло коснулся такого важного аспекта общественной жизни нивхов, как характер собственности на промысловые угодья (стр. 63, 464). Однако необходимо заметить, что по данному вопросу имеется довольно много литературы, относящейся к середине XIX в., в которой достаточно ясно подтверждается тот факт, что нивхи свободно пользовались рыболовными промысловыми угодьями. Об этом же писал и Л. Я. Штернберг⁴. Поэтому ссылки Е. А. Крейновича на довольно позднюю работу

² Л. Я. Штернберг, Гиляки, гольды, орочи, негидальцы, айны, Хабаровск, 1933, стр. 112, 374 сл.

³ Е. А. Крейнович, О пережитках группового брака у нивхов, «Страны и народы Востока», вып. XV, М., 1973, стр. 226.

⁴ Н. К. Бошняк, Экспедиции в Приамурском крае, «Морской сборник», № 12, СПб., 1858, стр. 189, 190; Ф. Б. Шмидт, П. Глен, Исторические отчеты, «Труды сибирской экспедиции», т. 1, СПб., 1868, стр. 24; Л. И. Шренк, Об инородцах Амурского

ихтиолога В. Бражникова, занимавшегося не этнографией, а совсем иными вопросами, связанными с рыболовством в конце XIX — начале XX в., звучат неубедительно. Что же касается характера собственности у нивхов на соболиные речки, то она никогда не была родовой, а переходила по наследству от отца к сыну. С прекращением пользования ею соболиную речку мог использовать любой человек, даже совершенно чужой в данной местности⁵. Но и эта форма собственности возникла у нивхов, видимо, в результате развития товарного пушного промысла.

Существуют и иные трактовки вопросов собственности (А. М. Золотарев, Е. А. Крейнович и др.), однако наличие здесь разногласий свидетельствует об их сложности. Характерно, что ни А. М. Золотарев, ни Е. А. Крейнович совершенно не используют данные фольклора (см., например, сборники нивхского фольклора Л. Я. Штернберга), а также материалы указанных выше авторов XIX в.

Совершенно уникальны материалы Е. А. Крейновича по религиозным верованиям нивхов. Как и в предыдущих разделах, он стремится проникнуть в самую глубину древних представлений этого народа, объяснить все элементы того или иного обряда. В ряде случаев автор углубляет и конкретизирует аналогичные данные Л. Я. Штернберга. Особенно большой интерес представляют разделы, посвященные культуре близнецов, утопленников, нивхов, убитых медведем. Таких людей считали существами, навсегда связанными с миром подводных и таежных обитателей, и своими родственными духами-помощниками в промыслах. На основе подобного рода представлений у них возникло множество интереснейших обрядов.

Многие элементы этих представлений и обрядов прослеживаются в религиозных верованиях тунгусоязычных соседей нивхов⁶. Можно предположить, что некоторые из них существовали в Приамурье и на Сахалине с древнейших времен.

В работе Е. А. Крейновича имеется в разных разделах много отдельных фактов, позволяющих пролить свет на до сих пор не решенные в науке вопросы, касающиеся происхождения нивхов. В этом плане представляют, на наш взгляд, интерес такие факты, как существование на Северном Сахалине топонимов, не переводимых с нивхского языка (стр. 48, 49, 65 и др.). С аналогичными явлениями мы встречались у нивхов многократно. Не менее важно и следующее заключение Е. А. Крейновича, сделанное им на основании исследования языковых материалов: основой ориентации нивхов в пространстве служат не страны света (учитываемые ими при обозначении ветров), а течения рек. «Видимо, нивхи — исконно речные обитатели и на побережье моря вышли относительно недавно» (стр. 53). Можно было бы привести и некоторые другие примеры, имеющие важное значение при решении проблем этногенеза нивхов.

Для Е. А. Крейновича характерно теплое, уважительное, сердечное отношение к маленькому народу нивхов, проявившееся и в рецензируемой работе.

Весь труд Е. А. Крейновича насыщен первоклассными этнографическими материалами, характеризующими все области нивхской культуры. Без сомнения, он станет важным источником для специалистов по истории первобытного общества, религии, а также для исследователей истории, этногенеза, культуры и быта населения Приамурья и Сахалина.

А. В. Смоляк

края, т. II, 1898, стр. 117, 118, 120, 212, 233 (данные 1850-х годов); В. В. Меркушев, Статистическое обследование инородцев Сахалинской области, Сахалин, 1913, стр. 24, 26; Л. Я. Штернберг, Указ. раб., стр. 111, 377.

⁵ Л. Я. Штернберг, Указ. раб., стр. 110.

⁶ А. М. Золотарев, Родовой строй и религия ульчей, Хабаровск, 1939; см. также А. В. Смоляк, О некоторых старинных традициях в современном быту ульчей, «Бронзовый и железный век Сибири», вып. IV, Новосибирск, 1974.

Ономастика Поволжья, вып. 3. Уфа, 1973, 431 стр.

Вышел в свет очередной, третий выпуск сборника «Ономастика Поволжья». Он содержит, как и предыдущие два выпуска, статьи по разным разделам ономастики: этнонимии, антропонимии, топонимии, космонимии, зоонимии и пр. Наиболее полно представлены в нем антропонимия и топонимия. Тематика сборника отражает особенность изучаемого региона — сложность этнического состава населения. Значительная часть исследований, помещенных в сборнике, посвящена лингвистическим проблемам. В данной рецензии основное внимание обращено на статьи, тематически близкие к этнографии и истории.

В разделе «Этнонимия», начинающем книгу, рассматриваются проблемы тюркской этнонимии Поволжья. Р. Г. Кузеев в статье «Опыт исторической стратификации родоплеменной этнонимии башкир» показал, что в последние десятилетия сформировались